

У всех цветов хранится свет в глубинах их корней.

Теодор Рётке

Пролог

Лондон, август 1888 года

Уайтчепельская шлюха Полли Николс была глубоко благодарна существованию джина. Джин ей помогал, лечил, утолял голод и прогонял озноб из костей. Джин унимал боль в ее гнилых зубах и другую боль, что была пронзительнее зубной и терзала Полли всякий раз, когда она справляла малую нужду. Этот волшебный напиток дарил ей блаженство, едва ли доступное другим. Джин успокаивал и утешал ее.

Пьяно покачиваясь в темноте переулка, Полли поднесла бутылку к губам, жадно переливая в себя содержимое. Спиртное обжигало как огонь. Полли закашлялась, бутылка выскользнула из пальцев и вдребезги разбилась. Полли досадливо выругалась.

Вдали послышался звон часов церкви Христа. Пелена густеющего тумана делала его тише и глуше. Два часа ночи. Полли сунула руку в карман кофты и нащупала монеты. Всего пару часов назад она сидела на кухне ночлежки на Трол-стрит без гроша в кармане. Там-то к ней и пристал подручный хозяина, требуя четыре пенса. Узнав, что денег у нее нет, этот прохвост вытолкал ее на улицу. Полли ругалась и кричала, просила оставить койку за ней, обещая добыть деньги и заплатить за постой. Вообще-то, она их уже заработала, но успела пропить. За три раза, а может — за четыре.

— Ну что, подонок? Я их добыла, — бормотала она. — Не верил мне? А я добыла твои вшивые четыре пенса и чудненькую бутылочку.

Деньги и джин Полли обнаружила в брючных карманах одинокого пьянчуги, попавшегося ей на Уайтчепел-роуд. Сразу он на нее не клюнул, пришлось немного помочь. В сорок два у тебя уже не такая мордашка, чтобы мужчины заглядыва-

лись. У нее не хватало двух передних зубов, а толстый курносый нос был сплюснен у переносицы, как у кулачных бойцов. Но большая грудь Полли еще не потеряла упругости, на что пьянчуга и попался. Полли вытребовала себе право вначале глотнуть его джина. Волшебная жидкость ее преобразит: в горле станет тепло, она приободрится, нос задерет. Запах джина перебьет смесь пива с луком, которой разило от пьянчуги. Держа бутылку в одной руке, другой Полли расстегнула камисоль. Пока владелец бутылки щупал и мял ей грудь, Полли незаметно сунула бутылку себе в карман. Все остальное он продельывал медленно и неуклюже. Полли едва дождалась, когда он отлепится и побредет дальше.

«Бог свидетель, ничто не сравнится с джином», — думала Полли, улыбаясь своему везению. Ощущать тяжесть бутылки в руках, прильнуть губами к стеклянному горлышку и чувствовать, как забористая голубая смерть жарким потоком льется тебе в глотку. Такое блаженство и сравнить-то не с чем. А ведь бутылочка-то была почти полной. Не какой-нибудь жалкий грошовый глоток. Улыбка Полли была недолгой и погасла при мысли, что ей до жути хочется еще джина. Она пила весь прошедший день и знала, что ее ждет, когда блаженное состояние закончится. Рвота, дрожь, а еще она снова увидит юрких черных существ, скалящихся на нее из трещин в стенах ночлежки, и услышит их невнятное бормотание. Это было куда сквернее дрожи и рвоты.

Послюнив правую ладонь, Полли пригладила волосы. Затем взялась за грязные тесемки камисоли и кое-как их завязала. Застегнув пуговицы, Полли выбралась из переулка и двинулась по Бакс-роу, напевая скрипучим, хрипловатым от джина голосом:

От невзгод не уберечься,
У судьбины свой каприз.
Что, милоч, об этом петься?
Нынче вверх, а завтра — вниз...

На углу Бакс-роу и Брейди-стрит она вдруг остановилась. У нее затуманилось зрение. В голове зажужжало. Казалось, рядом кружит рой мух.

— Допилась, подруга, до чертиков! — застонала Полли.

Она подняла руки, обнаружив, что они дрожат. Полли наглухо застегнула кофту и зашагала быстрее. Ей требовалась новая порция джина, и как можно скорее. Она шла опустив голову. Мужчину, стоявшего неподалеку, она заметила в последнюю секунду, едва не налетев на него.

— Вот те на! — воскликнула Полли. — С какой адской скоростью ты соскочил?

— Согласна? — взглянув на нее, спросил мужчина.

— Не-а, мил человек. Нездоровится мне. Спокойной ночи.

Полли собралась уйти, но мужчина схватил ее за руку. Она повернулась, готовая ударить его другой рукой, и тут ее взгляд упал на шиллинг, зажатый между большим и указательным пальцем.

— О, недурное лекарство, — сказала Полли.

На его шиллинг и те четыре пенса она купит выпивку и крышу над головой. Этого хватит на сегодня, завтра и послезавтра. Как бы паршиво ей сейчас ни было, глупо отмахиваться от такого улова.

Полли и ее клиент молча двинулись в обратном направлении. Они шли мимо полуразвалившихся домов и высоких кирпичных складских зданий. Мужчина шагал быстро и уверенно. Чтобы поспевать за ним, Полли почти бежала. Судя по дорогой одежде, деньжата у него водились. Поди, и красивенькие часики в кармашке тикают. Его карманы она проверит потом, когда у него будет только одно на уме.

В конце Бакс-роу, возле входа на конюшенный двор, мужчина вдруг остановился.

— Не здесь, — морща нос, возразила Полли. — Идем к слесарням... отсюдава недалече.

— И здесь сгодится, — ответил мужчина, прижимая ее к двум ржавым листам железа, скрепленным висячим замком на цепи.

Это были ворота конюшенного двора.

Их окружала темнота, но от лица мужчины исходило странное свечение. Может, потому, что лицо бледное? Его черные глаза смотрели холодно. От одного их вида к горлу Полли подступила тошнота. «Боженька, сделай так, чтобы меня не

вывернуло!» — мысленно взмолилась она. Только не здесь и не сейчас, иначе не видать ей шиллинга. Полли заставила себя дышать поглубже, веля тошноте убраться подальше. Вместе с воздухом она вдыхала запахи клиента: макассаровое масло, пот и что-то еще... Чем это от него пахнет? Чаем. Треклятым чаем!

— Могу и здесь, — ответила Полли на его слова.

Она задрала подол, устало глядя на клиента и ожидая, когда он начнет делать свое дело.

Черные глаза зло сверкнули, будто две масляные лужицы.

— Грязная сука! — процедил он.

— Э, голубок, давай без грубостей. И не рассусоливай, а то некогда мне... Чё оробел? Пособить?

Полли потянулась к нему. Мужчина шлепнул ее по руке:

— Ты всерьез думала, что спрячешься от меня?

— Эй, красавец, так ты будешь... — начала Полли.

Она не договорила. Мужчина вдруг схватил ее за горло и ударил о ворота.

— Убирайся! — закричала Полли, молотя по нему кулаками.

Он еще сильнее сдавил ей горло.

— Ты бросила нас, — сказал он; его глаза пылали ненавистью. — Бросила ради крыс.

— Сжался! — прохрипела Полли. — Пощади, не калечь меня! Не знаю я ни про каких крыс. Клянусь... я...

— Врешь!

Полли не видела, как он выхватил нож. Она не успела вскрикнуть. Лезвие вонзилось ей в живот, прокалывая и разрывая внутренности. Мужчина быстро вытащил нож. Полли тихо застонала. Она смотрела на лезвие и не верила, что все это происходит с ней. Она выпучила глаза. Открытый рот напоминал большую круглую букву «О». Полли медленно и осторожно коснулась раны. Ее пальцы стали ярко-красными.

Она подняла глаза на убийцу и заглянула в лицо безумию. Из горла вырвался отчаянный, испуганный вопль. Взмахнув ножом, убийца ударил ее в горло. У Полли подогнулись колени. Ее окутала тьма и потащила в густой, удушающий туман — туман, который был глубже Темзы и чернее лондонской ночи. В нем сгинула ее душа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Опьяняющий запах индийских чайных листьев — черных, хрустящих, отдающих солодом. Он наплывал со стороны шестизэтажного склада Оливера на северном берегу Темзы и достигал каменных ступеней Старой лестницы, которая находилась в Уоппинге и вела от извилистой, мощенной бульжником Хай-стрит к воде. Терпкий аромат чая перебивал все остальные запахи доков: зловоние прибрежного ила, солоноватый запах воды и теплые перемешанные ароматы корицы, перца и мускатного ореха, прорывающиеся со складов пряностей.

Фиона Финнеган закрыла глаза, глубоко втянув воздух.

— «Ассам», — сказала она себе. — «Дарджилинг» пахнет послабее, а «дуарс» не такой яркий.

Мистер Минтон, надсмотрщик на чайной фабрике Бертона, говорил, что у нее чутье на чай. Ему нравилось устраивать ей проверки: поднесет горсть листьев к ее носу и заставит назвать сорт. Фиона всегда называла правильно.

Чутье на чай. Может, и так. «А уж руки и впрямь для этой работы», — думала она, глядя на свои огрубелые руки. Чайная пыль въелась ей в костяшки, обосновалась под ногтями. Добро бы только там. Пыль была везде: в волосах, в ушах, под воротником. Подолом платья Фиона попыталась оттереть руки. Бесплезное занятие. Она вздохнула. Впервые за долгие часы ей удалось присесть. Из дому она уходила затемно, в половине седьмого. На кухне еще горела лампа, а улицы Уайтчепела тонули в сумраке.

Через пятнадцать минут она уже была на чайной фабрике. Мистер Минтон встретил ее у двери и велел в начале каждого часа готовить полуфунтовые жестяные банки для остальных упаковщиц. Вчера купажисты, работающие на верхних этажах, смешали две тонны чая «Эрл Грей», а к сегодняшнему полудню

их нужно развесить и упаковать. За пять часов работы пятидесяти пяти девушкам предстояло упаковать восемь тысяч банок. На каждую банку отводилось по две минуты. Однако мистер Минтон считал две минуты непозволительно большим расходом времени. Он ходил между столами, останавливаясь за спиной каждой девчонки. Подгонял, стыдил за медлительность, грозил уволить, если не будет шевелиться. И все ради нескольких секунд, сэкономленных на каждой банке.

По субботам работали вполсилы меньше, но и это время казалось бесконечным. Минтон выжимал из Фионы и остальных упаковщиц все соки. Конечно, надсмотрщик не виноват. Он лишь выполняет приказы самого Бертона. Фиона подозревала, что хозяин ненавидел закон, обязывающий его предоставлять работникам полувыходной день, и потому заставлял их помучиться. Перерывов по субботам не было. Все пять долгих часов упаковщицы проводили на ногах. Фиона считала удачей, если ее ноги просто деревенели. Хуже, если в них появлялась тягучая боль, начинавшаяся с лодыжек и добиравшаяся до спины. Но убийственнее всего был отупляюще монотонный характер их работы: наклеить этикетку на банку, отвесить чай, наполнить банку, запечатать ее и поставить в ящик, после чего все повторялось. На ясный, живой ум, каким обладала Фиона, монотонность действовала губительно. Бывали дни вроде сегодняшнего, когда она думала, что сойдет с ума, когда казалось, что ей уже не выбраться из этого ада. Может, все ее жертвы напрасны, а большие планы никогда не осуществляются?

Фиона вытащила шпильки из тяжелого пучка на затылке и распустила волосы. Потом расшнуровала и сбросила сапоги, сняла чулки и вытянула длинные ноги. Они и сейчас еще болели от многочасового стояния. Прогулка к реке ничуть им не помогла. В мозгу зазвучал материнский упрек: «Девочка моя, будь у тебя хоть капелька соображения, ты бы не шлялась по берегу, а сразу вернулась домой и легла отдохнуть».

«Как можно не пойти на реку?» — удивлялась Фиона. Она смотрела на Темзу, серебрившуюся в лучах августовского солнца. Кто откажет себе в таком удовольствии? Бойкие речные волны ударялись об основание Старой лестницы, обдавая Фиону брызгами. Она смотрела, как волны подбираются к ней.

Может, река хотела прикоснуться к пальцам ее ног, покружиться вокруг лодыжек, увлечь в манящие воды и унести далеко-далеко? Ах, если бы она смогла отправиться вслед за водой!

Фиона смотрела на неутомимую воду и ощущала, как Темза вымывает из нее усталость. Она сильно устала за неделю. Свидетельство тому — темные круги под ее лучистыми глазами и болезненная скованность в молодом теле. Но сейчас все это уходило, сменяясь ликованием. Река восстанавливала Фиону. Со слов других она знала, что к западу от Уоппинга находится Сити — центр торговли, место, где расположены правительственные здания. Сити называли сердцем Лондона. Если это правда, тогда Темза — его кровь. При виде речных красот сердце Фионы билось учащеннее.

Темза представлялась Фионе средоточием всего красивого и волнующего, что было в мире. Вверх по реке поднимались корабли. Их трюмы были заполнены товарами со всех уголков необъятной Британской империи. Фиона смотрела на них, не переставая удивляться. Сегодня Темза напоминала оживленную улицу с непрерывным движением. Воды разрезали маленькие юркие ялики и лихтеры, причаливая к большим судам, стоящим на якоре. Эти лодки служили паромами, подвозя и увозя людей. Массивный пароход был полон решимости освободить себе путь и буквально отпихивал судно поменьше. Старенький траулер, ловивший треску в ледяных водах Северного моря, попыхивал трубой, держа курс к Биллингсгейту. Вверх и вниз по реке сновали баржи, требуя друг от друга уступить место. Они приставали к берегу, выгружая где тонну мускатных орехов, где мешки кофе и бочки с патокой. Шерсть, вино, виски. Тюки с табаком. И нескончаемые ящики с чаем.

Куда ни глянь — повсюду купцы. Они стояли на свайных причалах, разговаривая с капитанами, двигались между ящиками, бочками и штабелями поддонов. Торопливые, властного вида. Едва корабль приставал к берегу, они спешили сюда из Сити — проверять свои товары. Купцы приезжали в экипажах, и у каждого — трость, хотя они и не хромали. Они щелкали золотыми крышками карманных часов. А их руки! Белые, ухоженные. Фионе с трудом верилось, что у мужчин могут быть такие руки. Купцы носили сюртуки и цилиндры. Вокруг них

суетились клерки с конторскими книгами. Те всюду совали свой нос, морщили лоб и что-то помечали в книгах. Купцы представлялись Фионе алхимиками, способными превращать обычные товары в золото. Ей отчаянно хотелось войти в их круг.

Фиону не заботило, что предпринимательство — не женское занятие и уж тем более не для девчонок с окрестных улиц. Мать не уставала напоминать ей об этом. Девчонки с окрестных улиц учились стряпать, шить и вести хозяйство, чтобы найти мужей, которые будут их обеспечивать не хуже родных отцов. «Глупость!» — так отзывалась мать о ее мечтах, советуя дочери поменьше торчать на реке. Лучше бы песочное тесто делать научилась. А вот па не считал ее мечты глупыми. «Надо мечтать, Фи, — говорил он. — Если мечты исчезнут — сразу топай к гробовщику. Без них ты все равно что покойница».

Завороженная рекой, Фиона не услышала шагов. К Старой лестнице подошел парень. Он стоял и улыбался, глядя на Фиону и не решаясь ее потревожить. Потом он обнаружит свое присутствие, а пока ему хотелось полюбоваться ее стройной фигурой. Фиона сидела, прямая как струна, в окружении замшелых камней и черной полосы речного ила.

— Ку-ии, — тихо позвал парень.

Фиона обернулась. Увидев его, она просияла. С лица ненадолго исчезло привычное выражение решимости и целеустремленности. Эту решимость видели все. Соседские женщины охали, вздыхали и шептались у нее за спиной, говоря, что такое лицо намекает на сильную волю. А сильная воля — сплошная беда. Не найдет эта девчонка мужа. Парням такое не нравится. Им покладистых девок подавай.

Но этот парень совсем не возражал против волевого лица. И блестящие черные волосы, обрамлявшие ее лицо и ниспадавшие на плечи, ему тоже нравились, равно как и сапфировые глаза, горящие ярко-синим огнем.

— Раненько ты сегодня, Джо, — улыбаясь, сказала ему Фиона.

— Угу. — Парень быстро спустился и сел с ней рядом. — Мы с отцом сегодня без канители затарились на Спитафилдсе. Торговец овощами простыл. Так сильно прихватило, что даже

торговаться не мог. А потому два ближайших часика — мои. Держи, — добавил он, подавая Фионе цветок. — Нашел, когда выезжали с рынка.

— Роза! — воскликнула Фиона. — Ой, спасибо!

Розы стоили дорого. Джо мог лишь иногда позволить себе раскошелиться на них. Фиона коснулась ярко-красными лепестками щеки, потом засунула цветок за ухо.

— Как с нашими денежками? Сколько накопало за эту неделю? — спросила Фиона.

— Двенадцать фунтов, один шиллинг и шесть пенсов.

— Добавь к ним, — сказала она, доставая из кармана монету. — Получится двенадцать фунтов и два шиллинга.

— Оставь себе. Поди, опять сэкономила на еде, чтобы скопить?

— Нет.

— Фи, я не шучу. Я рассержусь, если ты...

— Я же сказала тебе, что не голодала! — вспыхнула Фиона, сменив тему разговора. — Совсем скоро у нас будет пятнадцать фунтов, потом двадцать, а дальше — двадцать пять. Будет ведь?

— А то! Мы так быстро копим. Еще годик — и у нас наберется двадцать пять фунтов. Хватит на аренду за три месяца и первый запас сделать.

— Целый год, — вздохнула Фиона. — Вроде как вечность.

— Дорогуша, год мигом пролетит, — сказал Джо, сжимая ее руку. — Это пока тяжело. Откроем первый магазин, а через полгода денег хватит и на второй. Потом на третий. Не заметим, как целой сетью обзаведемся. Деньгу зашибать начнем только так.

— Мы разбогатеем! — воскликнула Фиона, и ее лицо снова осветилось.

— Не сразу, конечно! — засмеялся Джо. — Но однажды мы станем богатыми. Обещаю тебе, Фи.

Улыбающаяся Фиона обхватила колени, подтянув их к груди. «Год — совсем недолго. Не заметишь, как пролетит», — мысленно твердила она. Особенно если вспомнить, как давно они мечтают о своем магазине. Очень давно, с самого детства. Мечты оставались мечтами, пока два года назад они не начали откладывать деньги в старую жестяную банку из-под какао. Джо

прятал банку у себя под кроватью. Туда складывались все деньги: выкроенные из жалованья обоих, полученные на Рождество и дни рождения. Даже несколько фартиггов, найденных на улице. Монеты незаметно накапливались, и теперь у них было двенадцать фунтов и два шиллинга. Целое состояние.

Год за годом они с Джо рисовали в воображении картину их магазина, оттачивая детали и добавляя сочные мазки. Эта картина стала настолько реальной, что, едва Фиона закрывала глаза, ее ноздри улавливали запах чая в кладовой. Ее рука скользила по гладкому дубовому прилавку. У входной двери тренькал медный колокольчик, возвещая об очередном покупателе. Их магазин будет светлым и безупречно чистым, не похожим на жалкие лавчонки. Настоящий красавец с такими потрясающими витринами, что люди просто не смогут пройти мимо. «Пойми, Фи: все зависит от умения показать товар, — постоянно говорил Джо. — Красивая выкладка — вот что привлекает покупателей».

Их магазин будет пользоваться успехом. В этом Фиона не сомневалась. Джо вырос в семье лоточника и знал все, что необходимо знать о торговле. По сути, он и рос на отцовской тележке, посаженный в корзину и окруженный репой и картошкой. Выкрикивать «Покупайте мою дивную петрушку-у!» он научился раньше, чем произносить свое имя. С его знанием торговли и при их общем усердном труде они просто не могли потерпеть неудачу.

Джо смотрел на реку. Фиона смотрела на него и думала: «Наш магазин. Только наш». Глазами она ласкала его лицо, наслаждаясь каждой черточкой: очертанием сильного подбородка, щетиной песочного цвета, покрывающей щеки, тоненьким шрамом над глазом. Это лицо она знала не хуже собственного. Джо Бристуо всегда был и всегда будет частью ее жизни. Они выросли на одной улице, грязной и убогой. Джо жил через дом от них. В детстве они вместе играли, вместе бродили по Уайтчепелу, утешая друг друга после родительских наказаний и душевных горестей.

В детстве у них были общие монетки и лакомства. Сейчас — общие мечты. А вскоре их ждет совместная жизнь. Они с Джо поженятся. Конечно, не сразу. Фионе было всего семнадцать. Отец твердил, что ей еще рано выходить замуж. Но на следую-

щий год ей исполнится восемнадцать, а Джо — двадцать. У них будут сбережения и великолепные перспективы.

Фиона встала со ступенек и прыгнула на каменную площадку. Ее тело звенело от радостного возбуждения. Подбежав к воде, она набрала горсть камешков и начала метать их, стараясь бросить как можно дальше. Исчерпав запас, она повернулась к Джо. Тот по-прежнему сидел на ступеньках, наблюдая за ней.

— Однажды наше дело разрастется и станет громадным, как Темза! — крикнула Фиона, широко раскидывая руки. — Мы превзойдем «Уайт» и «Сейнсбери». И «Хэрродс» тоже превзойдем.

Фиона ненадолго замерла, оглядывая склады на этом берегу и причалы на противоположном. Посмотреть на нее — худенькая, хрупкая девчонка у кромки воды. Размечталась и не заметила, как запачкала низ подола в речном иле. Но стоило Джо заглянуть в ее глаза — и все менялось. В каждом ее движении и жесте ощущалась сила, соединенная с честолюбием. Весь ее облик дышал силой: от выпяченного подбородка до огрубелых рабочих рук, сжатых в кулаки, словно кто-то бросал ей вызов.

— Мы станем настолько могущественными, — продолжала она, — что все эти торгаши будут лезть из кожи вон, только бы продать нам свои товары. Откроем десять магазинов в Лондоне... нет, двадцать... И еще — по всей стране. В Лидсе, Ливерпуле, Брайтоне, Бристоле, Бирмингеме и... — Поймав взгляд Джо, она вдруг замолчала и застенчиво спросила: — Чего это ты так смотришь на меня?

— Какая ж ты чудная девушка!

— Неправда!

— Правда. Ты самая потрясающая из всех девушек, каких я видел. По смелости ты многих парней обскачешь. — Джо откинулся назад, уперся локтями в ступеньку и с восхищением посмотрел на Фиону. — Может, ты и не девчонка вовсе, а переодетый парень.

— Может, и так, — улынулась Фиона. — Может, спустишься и проверишь?

Джо встал. Фиона, настроенная проказничать, побежала вдоль берега. Хруст камешков подсказывал, что Джо прыгнул

вниз и теперь догонял ее. Догнав, он схватил Фиону за руку. Она радостно завизжала.

— Бегаешь ты по-девчоночьи. — Джо притянул ее к себе и с нарочитой пристальностью стал разглядывать лицо. — Да и лицо слишком красивое. У парней таких не бывает. Думаю, ты все-таки девчонка.

— Так ты думаешь или уверен?

— Хм... Конечно, могу и ошибаться. Надо проверить...

Его пальцы коснулись щеки Фионы. Джо с исключительной нежностью запрокинул ей подбородок и поцеловал в губы, раздвинув их языком. Фиона закрыла глаза, наслаждаясь его поцелуем. Она знала, что не вправе позволять Джо такие вольности, пока они не поженились. Если на исповеди она расскажет отцу Дигану, он велит ей дюжину раз прочесть «Аве Мария», а если об этом узнает ее па... шкуру спустит живьем. Но как прекрасно было чувствовать губы Джо! Его язык был точно бархатный. А как вкусно пахла его кожа, разогретая послеполуденным солнцем! Не успев даже подумать, Фиона встала на цыпочки, обняла Джо за шею и наградила ответным поцелуем. Она крепко прижалась к нему, ощущая спиной его сильные руки.

Их объятие было прервано свистом и улюлюканьем. Мимо проплывала баржа, недавно вышедшая из ворот Уоппинга и державшая курс к одному из близлежащих причалов. Команда потешалась зрелищем целующейся парочки.

Лицо Фионы стало свекольного цвета. Она потащила Джо в лабиринт свай, там они и прятались, пока баржа не отошла на достаточное расстояние. Где-то ударил церковный колокол, сообщая время. Фиона спохватилась. Надо спешить домой, помогать матери с обедом. Да и Джо пора возвращаться на рынок. Поцеловавшись в последний раз, они вернулись к Старой лестнице. Фиона торопливо натянула чулки, затем обулась и едва не споткнулась о собственный подол.

Приготовившись уйти, она бросила прощальный взгляд на реку. Вернуться сюда она сможет только через неделю. Целую неделю ей придется вставать затемно и тащиться на фабрику Бертон, а затем, разминая усталые ноги, возвращаться домой, где ее всегда ждали нескончаемые домашние дела. Сейчас все это казалось Фионе пустяком. Еще год — и она распро-

щается с жизнью фабричной работницы. На волнах вздымались и изгибались клочья белой пены, а сами волны танцевали. Может, ей это только кажется или Темза и впрямь плясала, радуясь за них обоих?

«А с чего бы Темзе не радоваться?» — с улыбкой подумала Фиона. Они с Джо любят друг друга. У них есть двенадцать фунтов, два шиллинга и мечта. Что им Бертон и мрачные, тоскливые улицы Уайтчепела?! Еще год — и мир будет принадлежать им. В тот момент Фионе казалось, что все возможно.

— Пэдди! Пэдди, который час? — спросила мужа Кейт Финнеган.

Поглощенный чтением газеты, он лишь что-то пробурчал.

— Пэдди, я тебя про время спрашиваю, — нетерпеливо напомнила жена, держа в одной руке желтую миску, а в другой — венчик, которым взбивала содержимое миски.

— Кейт, дорогуша, ты меня уже спрашивала. — Вздохнув, Пэдди достал из кармана часы с помятой серебряной крышкой. — Ровно два часа.

Кейт хмуро постучала венчиком по стенке миски, отряхивая проволочные лепестки от желтоватых шариков жидкого теста, после чего бросила венчик в раковину. Потом она взяла вилку и ткнула один из трех кусков баранины, жарившихся на сковороде. Брызнувший сок попал на почти раскаленную поверхность сковороды и мгновенно испарился. Убедившись, что мясо готово, Кейт переложила куски на тарелку и поставила в отделение для подогрева, которое находилось рядом с духовкой. Там уже стоял горшочек с луковой подливой. Кейт взяла связку колбасок и стала отрезать по одной, бросая на сковородку. Когда колбаски начали поджариваться, Кейт присела напротив мужа.

— Пэдди... — сказала она, легонько ударив по столу. — Пэдди!

Он взглянул поверх газеты и сразу же наткнулся на большие зеленые глаза жены.

— Да, Кейт. Чего тебе?

— Пора задать им нагоняй. Ишь взяли моду. Шляются самовольно, а ты — жди обеда. Да и я прохлаждаюсь и не знаю, когда запекать колбаски.

— Явятся с минуты на минуту. Можешь запекать. А если к их приходу все остынет, пусть на себя пеняют.

— Дело не только в обеде, — призналась Кейт. — Тут эти убийства начались, а наши шастают неведомо где.

— Ты никак думаешь, что Уайтчепельский Убийца рискнет появиться днем? Подкарауливает нашего крепыша Чарли? Если так, я ему не завидую. Ему и пары минут против нашего парня не продержаться. Даст деру и еще орать будет: «Караул! Убивают!» Да и наша Фиона — девка не промах. Помнишь, как она обошлась с этим дылдыой Сидом Мэлоуном, когда тот попытался затащить ее в переулочек? Так въехала ему по носу, что сломала. А ведь Сид — здоровенный верзила. Раза в два ее шире.

— Да, но...

— Хватит кудахтать, Кейт! Тут опять статья Бена Тиллета. Этот парень создает рабочие союзы. Теперь вот задумал создать союз рабочих чайных складов. Ты послушай...

Кейт недовольно покосилась на мужа. Как в свою газету уткнется — глухой ко всему. Хоть крыша на доме загорись — рабочие союзы ему важнее. Чего бы там ни писали, Кейт не желала знать. Разговоры о союзах вызывали у нее беспокойство, а разговоры о забастовках откровенно пугали. Когда у тебя муж, четверо детей и жилец и всех надо кормить, тут только успевай поворачиваться, чтобы сводить концы с концами. Кейт это удавалось, но с трудом. Если какие-то умники затеют забастовку, ее семья будет голодать. И вдобавок, словно ей и так мало хлопот, еще этот убийца разгуливает по ночам. Уайтчепел и так был небезопасным районом. Тут обитала взрывная смесь кокни, ирландцев, поляков, русских, китайцев и бог еще знает кого. Богатых не было. Большинство корячилося на тяжелых работах. Пьющих среди них было много. Преступлений тоже хватало, но в основном воровства. Случалось, что ворье поубивает друг друга или кого в пьяной драке зашибут, но никто и никогда не полосовал женщин.

Пэдди продолжал читать. Кейт вернулась к плите и потыкала вилкой колбаски, шипящие в липком слое жира. Взяв миску с тестом, она вылила содержимое на сковородку, накрыв колбаски. Тесто тоже зашипело и быстро разлилось по всей сковороде, начав пениться и пузыриться. Кейт улыбнулась.

Тесто получилось воздушным и быстро приобрело коричневый оттенок. Весь секрет был в чашке эля, добавляемой в тесто. Поставив сковороду в духовку, Кейт занялась сварившейся картошкой, которую требовалось превратить в пюре. Пока она орудовала толкушкой, громко хлопнула входная дверь. В коридоре послышались быстрые, легкие шаги дочери.

— Привет, ма! Привет, па! — весело поздоровалась Фиона.

Подойдя к полке, она взяла старую коробку из-под чая и опустила туда свое недельное жалованье за вычетом шестипенсовика.

— Привет, дорогуша, — ответила Кейт, поднимая голову от кастрюли.

Из-за газеты донеслось отцовское приветствие.

С крюка возле двери черного хода Фиона сдернула фартук, завязала на ощупь и нагнулась проведать малышку Айлин. Сестренка спала в корзине возле очага. Потом настал черед ее четырехлетнего братишки Шеймуса. Тот сидел на ковре и играл с бельевыми прищепками, заменявшими ему солдатиков. Фиона поцеловала брата:

— А теперь, Шейми, поцелуй старшую сестру.

Рыжеволосый мальчишка проказливо улыбнулся, приложил губы к щеке Фионы и вдруг издал громкий пукающий звук.

— Шейми! — воскликнула Фиона, вытирая щеку. — Отвратительная шутка! Кто тебя этому научил?

— Чарли!

— Тогда понятно... Ма, чем тебе помочь?

— Хлеб нарежь. Потом стол накроешь. Чай заварить.

И принеси своему па его портер.

— Па, что нового? — взявшись за работу, спросила Фиона.

Пэдди опустил газету:

— Рабочий союз. Численность растет с каждым днем. Вскоре и уопингские парни вступят в него. Попомни мои слова: до конца года обязательно будет забастовка. В рабочих союзах — спасение рабочего класса.

— И чего добьются эти союзы? Прибавки в один пенс за час работы, чтобы мы дошли с голоду помедленнее, а не все разом?

— Фиона, не начинай... — предостерегла дочь Кейт.

— Хорошенькая позиция. Небось Джо Бристоу тебе голову замутил антирабочими идеями? Все они одинаковы, эти лоточки. Независимые слишком. А на своих собратьев наплевать.

— У меня и без Джо идей хватает. Я вовсе не против рабочих союзов. Но у меня свой путь в жизни. А кто ждет, когда хозяева фабрик и причалов согласятся с требованиями разношерстной толпы членов этих союзов... долго им еще ждать.

Пэдди хмуро покачал головой:

— Тебе тоже не мешало бы вступить в союз, платить взносы, отчислять с жалованья на дело всеобщего блага. Иначе ты уподобляешься нашим хозяевам.

— Ошибаешься, па! Я им не уподобляюсь! — запальчиво возразила Фиона. — Наравне с тобой работаю по шесть дней в неделю. Согласна: жизнь рабочих должна быть получше нынешней. Двумя руками за. Вот только не собираюсь я сидеть на заднице и ждать, пока Бен Тиллет мне все это создаст.

— Фиона, за язычком последи, — бросила дочери Кейт, одновременно проверяя, как запекаются колбаски.

— Па, ты никак всерьез думаешь, что Уильям Бертон позволит всем, кто на него работает, вступить в союз? — продолжала Фиона, не обращая внимания на материнский упрек. — Ты ж на него корячишься и не хуже моего знаешь, что он за человек. Кора на старом дереве и та мягче. Ему бы побольше денежек под себя сгрести. Будет он с вами делиться, жди!

— Эх, девка, простых вещей не понимаешь! — с досадой воскликнул Пэдди и даже сутулиться перестал. — Само ничего не происходит. Кто-то где-то должен начать. Сначала ходишь на собрания, рассказываешь про союз, убеждаешь всех, кто работает на Бертона, туда вступить. Парней на причалах, фабричных девчонок. Бертон увидит, что взят в кольцо, и как миленький примет наши требования. Поначалу согласится на малые уступки, а там и больших добьемся. Слыхала про работниц спичечной фабрики Брайанта и Мэя? Не стало у них терпежа. Работали в жутких условиях. Так их еще и штрафами обложили. Перекинулась словом с соседкой — штраф. Отлучилась нужду справить — тоже. Вот и забастовали. Неделю фабрика стояла. Потом другую, третью. Представь себе, победили! Добились своего. А вроде бы слабые женщины. Пригрозить уволь-

нением — и не пикнут. Попомни мои слова, Фиона: сила — в численности. Союзы спасут и грузчиков, и весь остальной рабочий класс.

— Я не против спасения рабочего класса, — ответила Фиона. — Я просто хочу держаться подальше от всяких союзов.

Пэдди с силой хватил кулаком по столу. Жена и дочь даже подпрыгнули.

— Довольно! — загремел он. — Не позволю у себя в доме хаять рабочий класс!

Гневно сверкая глазами, он стал шумно расправлять сгибы на газете.

Фиона кипела не меньше отца, но чутье подсказывало: дальше возражать ему опасно.

Пожав плечами, словно они говорили о пустяках, она принялась накрывать на стол. Но Кейт было не обмануть. Она видела, что Пэдди разозлил дочку. Сама виновата. Пора бы научиться держать язык за зубами. Пэдди всегда говорил, что дети должны жить своим умом, и вроде бы даже это поощрял. На словах. А на самом деле он не отличался от всех прочих отцов и предпочитал, чтобы дети думали, как он.

Кейт украдкой взглянула на мужа и дочь. «Боже милостивый, до чего ж они похожи!» — подумала она. Одинаковые волосы цвета воронова крыла, одинаковые синие глаза и упрямые подбородки. Оба напичканы великими идеями. Ирландское наследие. Мечтатели. Пэдди вечно мечтает о счастливом завтра, когда капиталисты покаются в своих злодеяниях. Ну да, бывает, что и корова летает. И девка вся в отца. Ишь, свой магазин у нее будет. А она знает, сколько потов пролить надо, прежде чем торговля доход приносить начнет? Так она ж умнее всех. Слушать ничего не желает. С самого рождения такая. Самоуверенная.

Старшая дочь доставляла Кейт немало хлопот. Ее пугала прямолинейность Фионы и особенно — целеустремленность, смешанная с упрямством. Сердце Кейт защемило от желания уберечь дочку от бед и хоть как-то вразумить. Многие ли здешние девчонки мечтают открыть свой магазин? А вдруг Фиона осуществит свою давнюю мечту, откроет магазин и с треском разорится? Это же ей сердце разобьет. Потом всю жизнь бу-

дет горевать на осколках мечтаний. Может, поймет, что совсем не о том надо было мечтать, да только время не воротишь.

Кейт часто делилась своими опасениями с мужем, но Пэдди гордился, что старшая дочь у него — огонь-девка, и всегда отвечал: «У Фионы есть характер. Это же здорово». Здорово? Кейт знала, чем оборачивается характер для девушек и женщин. Таких первыми увольняли с работы, а дома следствием характера был синяк под глазом, полученный от мужа. И что толку в характере, если мир только и ждет, когда жизнь тебя сломает и втопчет в грязь? Кейт вздохнула: тяжело, протяжно, поматерински. Ответы на все эти вопросы обождут. Пора обедать.

— Фиона, а где твой брат? — спросила Кейт.

— Пошел уголь собирать возле газового завода. Говорил, продаст миссис Маккаллум. А то ей дорого покупать у угольщиков.

— Наш парень по части заработка денег изворотливее Английского банка. Он бы и дерьмо собирал, если бы платили по фартингу за кучку, — отозвался Пэдди.

— Хватит! — взвилась Кейт. — Здесь моя кухня, а не сточная канава. Фиона, доставай подливу.

Снаружи послышался скрип колес. Хлопнула входная дверь, и колеса закричали в коридоре. Вернулся Чарли со своей деревянной тележкой.

Мальш Шейми наострил уши.

— Уайтчепельский Убийца! — радостно закричал он.

Кейт нахмурилась. Ей очень не нравилась отвратительная игра, с недавних пор затеянная сыновьями.

— Да, малыш, — донесся из коридора замогильный голос. — Это Уайтчепельский Убийца, хозяин ночи. Он ищет шкодливых детишек.

Вслед за словами послышался злорадный смех. Вопя от страха и удовольствия, Шейми закурился на пухлых ножках, ища, где бы спрятаться.

— Сюда, малыш! — шепнула братишке Фиона.

Она устроилась в кресле-качалке у очага, раскинув подол юбки. Шейми забрался ей под юбку, но забыл спрятать ноги. Чарли ввалился в кухню, продолжая злобно посмеиваться.